

9⁽⁶⁷⁾

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

ИЮЛЬ
2007

в газете использованы
материалы сайта sfi.ru
электронная версия газеты
gazetakifa.ru

НАДО ДЕЛОМ, ЖИЗНЬЮ СВОЕЙ ПРОВЕРИТЬ ВСЕ ТО, О ЧЕМ МЫ РАЗМЫШЛЯЕМ

Интервью духовного попечителя Преображенского содружества священника Георгия Кочеткова в связи с предстоящей конференцией «Христианская соборность и общественная солидарность» (16-18 августа 2007 г.)

Апокалипсис. Престол уготованный с Азием и старцами.
Сестра Иоанна (Рейтингер), часовня св. Василия Великого
в доме Содружества св. Афанасия и прп. Сергия, Лондон. 1945-47 гг.

«Кифа»: Мы недавно беседовали с одной сестрой и пытались вспомнить какие-то убедительные, бесспорные исторические примеры соборности. И нельзя сказать, чтобы сильно преуспели в этом. Если не брать до-константиновский период, который, в общем-то, «тонет в дымке неизвестности» (что там была за соборность, сказать трудно), то получаются так, отдельные примеры, которые отнюдь не собираются в какую-то полноводную реку традиции, уж в православии во всяком случае. Отсюда возникает «крамольный» вопрос: а была ли соборность в православии? (Звучит почти как: «А была ли Святая Русь»?.) И следующий, водгоню: не есть ли это только миф, концепция, пускай придуманная и святым человеком — А.С. Хомяковым, но красивая и далекая от жизни конструкция? Ведь не получилось же у славянофилов ее воплотить, хотя их взгляды были очень популярны среди интеллигенции и сами они занимали в обществе видное место.

О. Георгий: Мне кажется, здесь есть несколько недоразумений.

Продолжение на с. 4-5

в номере:

Призвание
«International
Orthodox
community»
в том, чтобы
жить вместе
в мирном
духе

«Наша деятельность и одобрение нашей деятельности заставили многих задуматься о том, что между ориентальным и византийским православием нет существенных различий» — считает председатель международной общины в Хельсинском приходе Шимеллес Тенару С. 2

Исполнилось 10 лет провокации в храме Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках

О причинах происшедшего и о том, что произошло за эти десять лет, размышляют члены общины храма С. 3

Он умел помогать другим в глубине сострадающего сердца

О. Георгию Чистякову удалось оставаться цельным человеком, совершенно свободным. Свобода и радость — эти слова неотделимы от его образа... С. 8

В приложении
«Открытая встреча» —

ответы на вопросы и страничка, посвященная памяти о. Всеволода Шпиллера

СОВРЕМЕННЫЙ ПРОПОВЕДНИК ДОЛЖЕН ИМЕТЬ БЛОГ* В ИНТЕРНЕТЕ

Интервью преподавателя Белгородской миссионерской духовной семинарии иеромонаха Агафангела (Белых) и заместителя главного редактора журнала «Новый Ковчег» священника Димитрия Карпенко

«Кифа»: Каковы, на Ваш взгляд, основные проблемы миссии?

О. Димитрий Карпенко: Одна из основных проблем, причем не только миссии — это разобщенность. Те люди, которые реально чем-то занимаются в нашей церкви (их не так много), к сожалению, разбиты на разные «партии»: консерваторы, либералы и т.д. Они между собой постоянно воюют, обвиняют друг друга в ереси, монархизме, экumenизме — в чем угодно.

О. Агафангел (Белых): Я хотел бы уточнить, что здесь нет речи о том, чтобы это все систематизировать и привести к какому-то единому образу...

О. Димитрий: Нет, нет. Пускай у нас будут либералы, будут консерваторы, но мы все должны понимать, что живем в одной Церкви, причащаемся одного Тела и Крови Христовых, и мы все едины. Все наши мелкие разногласия на самом деле не стоят того, чтобы воевать.

О. Агафангел: Нам нужно сначала договориться между собой.

О. Димитрий: Договориться о главном, ради чего мы все это делаем. Ведь сегодня люди друг с другом не сядут рядом чаю выпить, вот в чем проблема. Как преодолеть это разделение? Мы сейчас говорим о том, что соединение с Зарубежной церковью — это хорошо. Но получается, что у нас внутри, в нашей церкви, где мы, казалось бы, все

Иеромонах Агафангел (Белых) (справа) и священник Димитрий Карпенко (слева)

едины, находимся в общении, общения как такового нет. Преодолеть это — важная задача.

«Кифа»: Пример, который Вы привели — с Зарубежной церковью — не говорит ли о том, что если есть воля и желание, то на самом деле эти проблемы разделения решаются? Казалось бы, такой серьезный раскол, ему уже столько лет, почти сто, а вот преодолел. Значит, это возможно?

О. Димитрий: Возможно.

О. Агафангел: Более того, это необходимо. Это одна из важнейших проблем сейчас. Нужно просто сказать: ты будешь заниматься этим, у тебя это по-

лучается хорошо, а у тебя получается хорошо вот это, давайте будем стараться искать общего вместо того, чтобы искать каждый своего в каком-то своем способе миссии, своем делании, своем личном опыте.

О. Димитрий: Нужна обоюдная воля, обоюдное движение навстречу друг другу. В принципе подобные конференции** должны быть той площадкой, где люди встречались бы и общались друг с другом. Но насколько я знаю, даже на эту конференцию некоторые люди не пришли, хотя их приглашали. Получается некое противодействие, есть у людей некая неприязнь, которая не располагает к спокойному общению, обсуждению проблем и т.д.

«Кифа»: Это единственная проблема?

О. Димитрий: Не единственная, конечно. Наша главная стратегическая проблема в том, что мы должны четко ставить цели: чего мы хотим добиться, какова цель нашей миссии.

Продолжение на с. 6-7

* блог (blog или web log) — сетевой журнал, обычно ведется в форме дневника, предусматривающего возможность комментирования записей читателями

** интервью было взято во время конференции «Велика жатва, а работников мало: Миссия в Восточной Европе в православном контексте» (о конференции подробно рассказывается в «Кифе» — N 66)

ПРИЗВАНИЕ «INTERNATIONAL ORTHODOX COMMUNITY» В ТОМ, ЧТОБЫ ЖИТЬ ВМЕСТЕ В МИРНОМ ДУХЕ

Интервью Шимеллеса Тенау, председателя международной общины в Хельсинском православном приходе

«Наша деятельность и одобрение нашей деятельности заставили многих задуматься о том, что между ориентальным и византийским православием нет существенных различий»
(Шимеллес Тенау газете «Кифа»)

«Кифа»: Что побудило Вас выступить с инициативой создания международной православной общины в Хельсинки? Как возникла эта идея?

Шимеллес Тенау: Международная община в Хельсинском православном приходе¹ родилась в 1990-х годах. В то время в Финляндию прибывало все больше людей с Ближнего Востока, из Африки и из бывших социалистических стран. Мы размышляли над тем, что для православных, прибывших в Финляндию на постоянное место жительства, можно было бы устроить духовный дом.

Я помню, как это произошло. Несколько человек из руководства Хельсинского прихода, в том числе отец Хейкки Хуттунен, собрались вместе в выходные дни. У о. Хейкки уже был опыт международной работы. Мы стали думать над тем, что делать, когда в Финляндию приезжают православные из разных духовных семей: византийской и ориентальной², из разных поместных православных церквей, стран. Мы думали о том, как эти люди могли бы здесь жить вместе, быть членами одной церкви. Полагаю, что это было хорошо, тем более, что представилась уникальная для православного мира возможность. Ведь между нашими церквями, византийской и ориентальной традиции, еще нет екавистического общения, а здесь это стало возможным.

Наша международная община развивалась постепенно. Мы начали с богослужений на английском языке один раз в три месяца. Международная община — это сообщество, у которого есть свой устав и которое действует в полном подчинении Хельсинскому православному приходу. Это значит, что наше сообщество имеет все права, например, получать помощь, и оно находится во взаимодействии с другими сообществами прихода.

«Кифа»: Какие были трудности и препятствия? Кто помогал?

Шимеллес Тенау: По-моему, с самого начала наша община была в очень хороших руках. Приезжие православные всегда ищут священника: о. Хейкки и о. Вейкко Пурмонен (настоятель Хельсинского прихода) были добры к ним. Эти священники хорошо приняли православных, приехавших из разных стран. Можно сказать, что они помогли им устроить духовный дом.

Первыми в общину вошли эфиопы. О. Тимо Лехмускоски и о. Хейкки Хуттунен посетили храм Эфиопской православной церкви в Стокгольме, который расположен прямо в центре города. Там они познакомились со священником и пригласили его и еще одного диакона погостить в Хельсинки. Потом такие визиты стали традицией: 1 или 2 раза в год в Хельсинки в нашу «International Orthodox community» стал приезжать священник Эфиопской православной церкви.

«Кифа»: Что, по Вашему мнению, является призванием вашей общины?

Шимеллес Тенау: По-моему, приход в православии является центром духов-

ной жизни, ведь там все и происходит. Там люди, там слово, там все то, что человеку необходимо. Я думаю, что призвание «International Orthodox community» в том, чтобы жить вместе в мирном духе, в православном духе, понимая и принимая тех, кто приехал издалека. Цель в том, чтобы понимать жизнь, чтобы уметь принимать других. Конечно, все это не рождается за секунды. Это длительный процесс, у которого свои времена и сроки. Не все, конечно, зависит в этом процессе от коренного населения, но также и от приехавших сюда жить иностранцев: как они относятся к общине, к обществу в целом и, прежде всего, к людям.

«Кифа»: Почему ваша община существует именно как церковная община, а не просто культурная организация? Каков ее экклезиологический статус в Финской церкви?

Шимеллес Тенау: Хороший вопрос. Началось все с культуры. Культура может быть высокой, народной, низкой и т.д. Мы начали с ярмарок национальной кухни. Это самое лучшее. Если люди пьют, то они дерутся, если они едят вместе — они молятся. Мы нача-

куда могут прийти и местные финны, и шведоязычные, и русскоязычные.

«Кифа»: В Швеции сейчас много разных национальных православных приходов разных церковных юрисдикций.

Шимеллес Тенау: Да, именно этого мы и не хотели.

«Кифа»: Как относятся к общине прихожане Хельсинского прихода?

Шимеллес Тенау: Я, по крайней мере, никогда не слышал, чтобы кто-то говорил против общины. Сейчас Финляндия участница Европейского Союза и число прибывающих сюда на постоянное место жительства растет. Я думаю, что, как и в жизни: не все всем нравится, но архиепископ, митрополит, настоятель, отцы, — большинство из них, одобряют наше сообщество и этого достаточно. Желательно было бы, чтобы молодежь полнее участвовала в жизни «International Orthodox community», возможно, это будет в будущем.

«Кифа»: А государственная власть?

Шимеллес Тенау: В 1999 году в Финляндию вступил в силу закон об интеграции иностранцев, в 2004 — закон о равенстве. Я слежу за этим процессом,

Кофетиние после литургии

ли планировать такую «ярмарку». Когда мы организовали ее в первый раз, было 40 гостей, на следующий год гостей было в два раза больше, и зал был уже слишком мал, потом люди уже ждали этих «ярмарок». Первый раз она была проведена в приходском зале Хельсинки, потом в Тапиола, Лохья, Ярвенпяя (пригороды Хельсинки). Что из этого получилось? Среди коренного населения нашлись люди, которые, скажем, заинтересовались определенным блюдом какой-нибудь национальной кухни, познакомились с теми, кто это блюдо приготовил и, таким образом, между людьми завязывалась дружба.

С самого начала существования «International Orthodox community» я был ее председателем. Я знал, что в Финляндии православные — меньшинство. При этом сюда приезжают православные разных традиций — и ориентальной, и византийской. Мы оттачивались от того, чтобы создавать меньшинство в меньшинстве. Как ты знаешь, в нашем приходе православные из 40 разных стран. И если каждый захочет основать здесь свой отдельный приход, то будет катастрофа. Мы об этом подумали заранее, поэтому и родилась «International Orthodox community»,

поскольку являюсь членом мультикультурной христианской организации здесь. В 2002 году правление Хельсинского прихода учредило комитет, который должен был продумать применение закона об интеграции в приходе по отношению к православным иностранцам. Нас четверо в этом комитете, мы несколько раз встречались и подготовили план работы. Каждый может поддерживать свою культуру в этой стране. Страна общая, а вероисповедание — это личное дело каждого.

«Кифа»: Какое значение имеет деятельность общины для Финской церкви в целом?

Шимеллес Тенау: Я сам родом из Эфиопии, из православной семьи. Мы православные, и я всегда удивлялся тому, что между нами, православными, есть еще разделения. Так думают обычные православные люди. Разделение уже более 1500 лет! Никто не может этого одобрить! Это вопрос номер один. Какое значение имеет община? К счастью, наша деятельность и одобрение нашей деятельности заставили многих задуматься о том, что между ориентальным и византийским православием нет существенных различий. Мы дети одного Христа. В этом значение нашей деятельности.

«Кифа»: Кого вы приглашаете в качестве гостей на встречи общины? О чем беседуете на этих встречах?

Шимеллес Тенау: Сейчас мы проводим богослужение один раз в месяц большей частью на английском языке, но звучит и церковнославянский и финский. Евангелие мы читаем иногда на румынском, иногда на эфиопском (геэз — древнеэфиопский язык) или на амхарском (государственный язык Эфиопии) языках. После литургии — маленькая совместная трапеза. Наше правление выбирает какую-нибудь тему, которая связана с православием, потом мы находим того, кто мог бы подготовить вступительное слово по теме. Как ты, наверное, заметила, иногда мы вместе обсуждаем эту тему. Мы организуем также различные интересные семинары совместно с факультетом африканских и азиатских языков и культур университета Хельсинки. Мы приглашаем также священников ориентальных церквей из Швеции, Дании и Египта.

Мы обсуждали на наших встречах и богословские вопросы: о разделении и различии наших церквей. Нужно отметить, что коптские отцы принесли нам радостную весть о том, что мы идем к сближению. И они — те, кто понимает это лучше. В Египте коптов всего 8% населения, и они много пострадали, их не принимают, но, к счастью, они могут мирно жить рядом с мусульманами. Они это выдерживают, именно копты.

«Кифа»: Совершается ли в общине таинство Крещения?

Шимеллес Тенау: Только младенцев. Если у родителей, крещенных в Эфиопии, в Финляндии родился ребенок, неужели его везти в Эфиопию крестить? Они приносят ребенка к нам, ребенок становится членом нашего Хельсинского прихода, и я думаю, что так и должно быть. Не все в Эфиопии знают о разделении между православными церквями. В случае смерти человека тоже исчезают все разделения между ориентальной и византийской православными церквями. Мы христиане. Мы принимаем тех, кто к нам добровольно приходит.

«Кифа»: Что бы Вы хотели добавить к сказанному?

Шимеллес Тенау: Мое видение такое: вера — личное дело человека, нельзя тут ничего навязывать. Мы все разные люди, есть те, кто думает не так, как мы, это естественно. Но сюда люди приехали не основывать меньшинства, хотя мы можем сохранять жизнь, внутри финского общества, свою культуру. Национализм — это опасное дело.

Хельсинки. 28.05.2007
Беседавала Александра СКОПЕЦ

¹ Приход в Финской православной церкви соответствует благочинию (церковному району) Русской православной церкви, — здесь и далее прим. ред.

² Речь идет о древних восточных, или дохалидонских (не принявших решения IV Вселенского собора, проходившего в г. Халкидоне в 451 г.) церквях (Коптской, Эфиопской, Армянской и др.), которые в западноевропейской литературе принято называть Oriental Orthodox churches, в отличие от East Orthodox churches — православных церквей в т.ч. «византийской» семьи (в число которых входит и Русская Православная церковь (Московский патриархат)).

Шимеллес Тенау — председатель православного международного общества «International Orthodox community» в Хельсинки (Финляндия), научный сотрудник университета Хельсинки, родом из Эфиопии, в Финляндии живет уже больше 30 лет.

В СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКОМ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКОМ ИНСТИТУТЕ ЗАВЕРШИЛСЯ 19-Й УЧЕБНЫЙ ГОД

30 июня в часовне Свято-Филаретовского православно-христианского института состоялся торжественный акт, посвященный окончанию 19-го учебного года. В нем участвовали сотрудники, преподаватели и студенты СФИ, а также учащиеся Богословского колледжа.

Перед началом благодатственного молебна на окончание учебного года ректор СФИ проф.-свщ. Георгий Кочетков сказал краткое вступительное слово:

«Институт существует не сам для себя. Учеба в институте необходима для того, чтобы наше восприятие церковной традиции было более полным, более верным, освобожденным от всякого рода предрассудков, суеверий и ис-

торических ошибок. Мы с вами трудимся именно для того, чтобы наша вера, будучи очищенной, оживленной, вновь зазвучала в сердцах людей и в наших сердцах. Мы ждем прежде всего торжества Христова в нашей жизни, а значит и в Церкви, и вокруг неё. И здесь многое зависит от каждого. И для того, чтобы каждый шаг на этом пути закрепился в нашей памяти, мы совершим этот молебен».

По окончании молебна ректор вручил дипломы выпускникам магистратуры, бакалавриата СФИ и Богословского колледжа. Завершился акт благодарственными словами студентов и учащихся в адрес руководства и преподавателей института.

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ПРОШЛА МОЛОДЕЖНАЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЕВХАРИСТИЯ: БОГОСЛОВИЕ И ПРАКТИКА»

11 июня по благословению Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира Отдел по делам молодежи и Издательский отдел Санкт-Петербургской епархии совместно с Координационным советом по молодежной работе Санкт-Петербурга провели молодежную просветительскую конференцию «Евхаристия: богословие и практика».

Конференция началась с Божественной Литургии в храме Федоровской иконы Божьей Матери, на которой сослужили 9 священников. Почти все молящиеся, прихожане разных храмов епархии, которых было больше 250 человек, причащались. Такое количество участников стало неожиданностью для организаторов конференции. В результате около 15-20 человек не смогли поместиться в Белом зале Федоровского собора и расположились на скамейках у дверей в зал.

На конференции прозвучали два доклада. С первым выступил священник Владимир Хулап: «Евхаристия и экклезиология». Начав с уточнения понятия церкви как экклесии, собрания верных, принадлежавших Богу, во второй части своего доклада отец Владимир перешел к понятию киньяни как общения с Богом и братьями по вере, высшим выражением которого докладчик назвал евхаристию. Продолжил пленарное заседание архимандрит Ианнуарий (Ивлиев) докладом «Кто «ест и пьет недостойно» по апостолу Павлу?», в котором блестяще разобрал отрывок Священного писания, приведенный в названии доклада.

Вторая часть конференции прошла в форме круглого стола «Как Литургия может быть общим делом верующих?», которой провел священник Димитрий Симонов.

Отрадно, что миряне не ограничились обычными вопросами священникам о подготовке к исповеди и причастию, а активно участвовали в работе круглого стола. Этому способствовало и то, что среди его участников помимо известных священников Санкт-Петербургской епархии были два мирянина — председатель Свято-Петровского братства, член прихода Федоровского собора Владимир Коваль-Зайцев и прихожанка Князь-Владимирского собора Татьяна Рубцова.

На круглом столе предлагались самые разные ответы на поставленный вопрос. Говорилось о необходимости традиционного служения литургии — с чтением тайных молитв вслух, чтением Писания на понятном языке и проповедью в положенном месте. Поднимался вопрос о богослужебном языке. Прозвучало сравнение Церкви с род-

ным домом, ответственность за который должна быть конкретной у каждого православного христианина — как у клирика, так и у мирянина. Вспомнили известное высказывание о. Александра Шмемана: «Ранние христиане: Тело Его на престоле, потому что Он среди них. Теперешние христиане: Христос тут, потому что Его Тело на престоле». Прозвучали смелые высказывания о необходимости просвещения не только мирян, но и священнослужителей.

В заключение обсуждения участники конференции стали предлагать тему следующей конференции, предварительно запланированной на 2 января 2008 года. Наибольшую поддержку получила тема, не раз звучавшая в ходе обсуждения, — «Евхаристическая община».

Анастасия НАКОНЕЧНАЯ

ИСПОЛНИЛОСЬ 10 ЛЕТ ПРОВОКАЦИИ В ХРАМЕ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В ПЕЧАТНИКАХ

Вторая, самая серьезная волна гонений на Преображенское братство, началась в Великую среду 1997 г. В храм появился второй священник — о. Михаил Дубовицкий. Далее события разворачивались стремительно и достигли своей кульминации всего через несколько месяцев, 29 июня 1997 г., в день Всех святых, в земле Российской просиявших. Информационная служба СФИ в новости о 10-летию начала гонений на общину храма Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках упоминала, что происходило в течение нескольких месяцев с момента появления о. Михаила в храме до дня его мнимого «избавления» в алтаре Успенского храма. И хотя никакого «избавления» не было, что засвидетельствовал приехавший по вызову дежурный психиатр Г.Л. Шафран, госпитализировавший о. Михаила с острым психическим расстройством, а также присутствовавший при инциденте сотрудник 18 о/м. Москвы М.Ю. Шунаев, тем не менее, на свщ. Георгия Кочеткова и 12 самых активных прихожан были наложены прещения, а общину выгнали из восстановленного ею храма. Свидетельства очевидцев, заключения прокуратуры и Министерства здравоохранения, подтверждающие полную невиновность в произошедшем настоятеля храма и прихожан, были опубликованы в сборнике «Христианский вестник» № 3, изданном православным просветительно-благотворительным братством «Сретение» в 1999 г.

В настоящее время братство «Сретение» подготовило к выпуску очередной сборник документов по новейшей церковной истории (1998-2003 гг.) — «Христианский вестник» № 4. В разделе, посвященном этим и последующим за ними событиям, фигурируют докумен-

ты, связанные с драматической историей трехлетних прещений и их отмены, а также некоторые материалы, которые по тем или иным причинам не вошли в предыдущий сборник серии.

В течение прошедших десяти лет оценка происшедшего в церкви претерпевала значительные изменения. Редели голоса, обвиняющие бывшего настоятеля и прихожан Успенского храма: многие убеждались в том, что происшедшее было неизбежной трагедией, причины которой лежат гораздо глубже поспешных, поверхностных и несправедливых обвинений, предъявленных о. Георгию Кочеткову десять лет назад. Выяснялось, что события 29 июня 1997 г. были не только частным случаем в отдаленно взятом московском храме.

Почему? С момента отмены антицерковных законов, в конце 80-х — начале 90-х гг., стали открываться внешние возможности для возрождения церкви. Авторитет ее был в то время очень высок, множество людей было готово войти в нее всерьез и осознанно. Увы, церковь оказалась не готова помочь им в этом. Были для этого и объективные причины: обескровленная в течение семидесятилетних гонений, она теряла лучших своих пастырей, находилась долгое время под бдительным оком полномоченных и сотрудников госбезопасности. Но многие возможности были безвозвратно упущены просто оттого, что главный акцент зачастую ставился на возрождении «стен» — восстановлении разрушенных храмов и монастырей, а собрание церковного народа, просвещение и воцерковление входящих в церковь отодвигались на второй план или дальше.

Для большинства людей тяжелое наследие советского тоталитарного режи-

ма не прошло бесследно. Почти каждый человек, живший в стране под гнетом большевистского рабства, буквально пропитался страхом и неуверением «стоять в свободе». Могла ли церковь остаться свободной от этого тяжелого влияния? Конечно, нет, ведь церковь состоит из людей. Внешних гонений не стало, но остался всеобщий парализующий страх. Поэтому очень скоро среди духовенства, прежде всего московского, возобладал «охранительный» принцип: стоять на месте, не делая никаких движений. Следуя этому принципу, «охранители» очень скоро стали беспощадно гнать все живое и движущееся в церкви.

События 29 июня 1997 г. стали апофеозом этих усилий. Стремление вытолкнуть за пределы церкви ее наиболее живых и деятельных членов, жаждущих подлинного возрождения церковной жизни в России, приобрело уродливую форму сознательной провокации. Этот печальный инцидент стал не только тяжелым переживанием для очевидцев, но и испытанием для всей церкви.

Трагедия заключалась в том, что ложь и неправда творились в церкви от имени церкви, а это всегда разрушительно. Мы никогда не узнаем, сколько людей в результате таких «охранительных» усилий утратили веру в церковь, отошли от православия, разочаровались в жизни. Вместо того, чтобы направить усилия на жизненно важные церковные задачи — миссию, катехизацию, возрождение общин, духовное образование, богослужебно-педагогическую деятельность и др., — ее силы тратились на заличивание ран, которые она сама же себе и наносила.

Прошло десять лет. С 2001 г. свщ. Георгий Кочетков почти каждую неделю служит в московском Новодевичьем монастыре. Успенская община вы-

росла в Преображенское Содружество малых православных братств. Вопросы миссии и катехизации стали реальностью церковной жизни — принята Миссионерская концепция РПЦ, в рамках XV Рождественских чтений прошли конференции «Задачи, принципы и организация катехизической деятельности Русской Православной Церкви» и «Миссионерское служение Церкви», при поддержке Миссионерского отдела при Священном Синоде РПЦ МП Свято-Филаретовским Институтом проведена международная богословско-практическая конференция «Велика жатва, а работников мало: Миссия в Восточной Европе в православном контексте». На разных уровнях обсуждается необходимость общинной жизни, вопросы участия мирян в богослужении. Означают ли эти процессы, что церковь избавляется от удручающей атмосферы страха и недоверия? Станет ли нынешнее церковное пробуждение реальным собиранием живых сил в церкви, ее духовным обновлением и расцветом?

Современному обществу необходимо свидетельство о православии, провозглашающее новую жизнь во Христе и Духе Святом. Для полноценного свидетельства о ней церковь должна являть ее зримые плоды. Поэтому так важно каждому христианину сегодня делать всё, чтобы церковная жизнь не была расколота, ибо «всякое царство, разделенное внутреннею враждой, обращается в пустыню; и ни один город или дом, разделенный внутреннею враждой, не устоит» (Мф 12:25).

Наталья ИГНАТОВИЧ
Информационная служба СФИ,
Александра КОЛЫМАГИНА
гл. редактор газеты «Кифа»

ЖИВОЕ МНОГООДИНСТВО

Есть лишь один Богочеловеческий Путь, и этот Путь — Христос. В Нем человеческое, тварное делается вместителем Божественной, Троицной Полноты, переходит, претворяется в новый порядок. Он, пережив в Себе всю тяжесть добровольно принятого Им особого, отдельного, индивидуального существования, существования неизбежно смертного и глennого, в Себе Самом преодолел всякую непроницаемость или смертность и тьму, так что в Нем, в Его Плоти, пропавшей и блистающей, открылся новый порядок бытия, порядок многоединства. В нем тайна Троицы делается имманентной, соприродной миру, делается творческим началом, организующим Новый Космос. По образу Божественно-Троицнства мир из царства тьмы претворяется в царство света, где непроницаемость и косность уступают место взаимопроникновению и единосущию. Так по образу Троицы через Христа и в Нем мир претворяется в Церковь, в живое многоединство.

В нашей литургии св. Василия Великого молитва, непосредственно примыкающая к моменту тайнодействия, мы видели, как бы повторяет и углубляет диаконский возглас: «нас же всех, от единого хлеба и чаши причащающихся, соедини друг ко другу, во единого Духа Святого причастие». Мысль этой молитвы встречает нас и в древних канонах. Но там она выражена в формулах, порою очень близких к данной, но, несомненно, обладающих большей выразительностью и силой. Вот молитва из чинопоследования сирийской литургии св. Василия Великого: «Нас же причащающихся от одного хлеба жизни и чаши искупления, чтобы соединить нас между собою (1 Кор 10:17), сподоби общения Святого Духа». Тут единство всех — не только предмет молитвы, но и непосредственная цель совершаемого таинства. А вот что читаем мы в древнейших из дошедших до нас молитв литургических — молитве, сохраненной в памяти: «Учение 12-ти апостолов»: «Как сей преломляемый хлеб был рассеян на холмах и соединен воедино, так да будет соединена Твоя церковь от концов земли в Твое царство, потому что Твоя есть слава и сила через Иисуса Христа во веки». Тут подчеркивается другой момент в образе совершения таинства — не причащение от одного хлеба, но единство самого хлеба, становящегося живую Плотью Христа. Как бы раскрытием внутреннего смысла этой именно литургической формулы являются слова епископа Карфагенского св. Киприана: «Как многие зерна, в одно собранные, смолотые и смешанные, один хлеб; так точно и все верующие составляют собою одно тело Христа — сего хлеба небесного, в состав которого да будем соединены и объединены и мы».

Так полно и действительно развертывается в древних канонах тема о любви. Любовь как небесный мир, Божественное единосущие, жизнь Бога, открывающаяся в жизни мира, Христос как живой и Единственный источник этой любви, камень Единства и Царь мира, вражда как причина смерти, и мир как залог и онтологическое существо нетленного бытия, и, наконец, пошелый как естественный символ и таинство Евхаристии как благодатная реализация тварного многоединства — вот круг идей древних молитв, в которых тема о любви находила свое отчетливое и бездонно-глубокое выражение.

(Из книги св.мч. Анатолия Журавского «Литургический канон теперь и прежде»)

НАДО ДЕЛОМ, ЖИЗНЬЮ СВОЕЙ ПРОВЕРИТЬ ВСЕ ТО, О ЧЕМ МЫ РАЗМЫШЛЯЕМ

Интервью духовного попечителя Преображенского содружества свящ. Георгия Кочеткова в связи с предстоящей конференцией «Христианская соборность и общественная солидарность» (16-18 августа 2007 г.)

Продолжение. Начало на с. 1

Прежде всего, я бы не выделял историю православия как «особо неудачную». История всего христианского мира, как известно, была трудной, тяжелой и в каком-то смысле до сих пор не слишком удачной. И если что-то умирало — и в православии, и в католичестве, и в протестантизме — то, конечно, умирало в первую очередь соборность, потому что умирало в первую очередь любовь. Ведь соборность — это плод Любви, это католический в своем «вертикальном» выражении. (Не в горизонтальном, не в смысле консилиарности: «Давайте соберем побольше епископов, а лучше всех верных со всего мира, и будет у нас явление соборности». Ан нет. Может быть, а может и не быть). Соборность — это явление Духа, собирающего в Любовь; собирающего со Христом, а не расточающего. Таким образом, приводить примеры явного, откровенного традиционного развития этого неизменного начала церковной жизни всегда будет трудно, потому что это не лежит на поверхности.

Вспомним: мы иногда доходили чуть ли не до уныния, глядя на то, как развивается так называемое церковное возрождение в 90-е годы, а Господь нас утешал. Чем? Тем, что посылал нам примеры живой соборности там, где мы не ожидали их видеть, где не видели, не знали прежде, даже чаще всего не слышали.

Господь нам послал сначала общину архим. Сергия (Савельева). Об отце Сергии я знал, но я прежде не читал его книг, не слышал его проповедей, не был знаком с его общиной. И вот вдруг она открылась нам как некое явление соборности. Потом какие-то важнейшие стороны соборности показывает нам киевский кружок (архим. Спиридон (Кисляков), о. Анатолий Журавский и др.). Далее мы вдруг узнаем про опыт беседников. Нам открывается опыт русской эмиграции в прошлом и в современности, братство святой Софии, о котором мы раньше тоже ничего не знали. Мы знакомимся с «Воинством Господним», и это тоже не случайно. Открываются новые имена, новые явления. Но это происходит именно потому, что мы обратили взор к этой важнейшей стороне соборной церковной жизни. Поэтому же мы по-новому начинаем чувствовать, видеть, воспринимать, скажем, опыт преподобного Серафима Саровского и многих других наших святых. Для нас очень важно понимать, что подлинная история Церкви — это не просто история ее официальных взаимоотношений, внешнего земного устройства и торжества. Когда мы ищем подтверждения концепта церковной соборности во внешнем благоустройстве церковном, это еще говорит в нас Ветхий завет. Настоящая новозаветная жизнь — это жизнь, которая приводит к духовному обновлению церкви. И соборность — главное движущее начало этого духовного обновления. На этом строится жизнь и нашего содружества, наших общин и братств, и, скажем прямо, всех наших друзей. И когда мы думаем о соборности, то в первую очередь говорим об этом, для того чтобы мы имели силы идти дальше, чтобы мы могли и сами, и вместе с другими следовать по пути Христа, по пути духовного обновления, чтобы через это открылось тысячелетнее Царство Христа, которое как раз не может заключаться во внешнем торжестве Церкви, а может заключаться только в духовном обновлении в ее лоне, внутри ее собственной жизни. Может быть, потому плохо и воспринимается нами и многими другими Апокалипсис, что мы об этом не думаем вовсе или думаем по инерции во внешних категориях. Но откровение

о тысячелетнем Царстве — это близкое нам откровение. Мы должны думать о том, как возродить народ Божий, потому что хорошо понимаем: нынешнее состояние большинства членов нашей церкви плачевно, народ Божий все еще не похож на Божий народ. И все, что этот народ делает, мало похоже на то, чем это должно быть, как и мы сами часто не похожи на тех, кем мы должны быть. Вот это как раз и есть плод умирания соборности. Возрождение Божьего народа — это обязательно возрождение соборности, которая может существовать лишь в качестве христианской общины и братства. Возрождение подлинного общения и подлинного братства в Церкви в полноте любви — вот путь возрождения соборности. Поэтому разговору об этом для нас не может быть разговором праздным или просто академическим. Это актуальнейший разговор. И мы вспоминаем здесь Хомякова с благоговением не потому, что что-то получилось или не получилось у славянофилов в русской истории в XIX веке, а потому что это было живое откровение, которое в каком-то смысле было providческим, пророческим. И как преп. Серафиму Саровскому Господь открыл общину, так Хомякову Он открыл братскую соборность Церкви.

Соборность — явление Духа, но для нас и братство, и общины и, конечно, прежде всего сама Церковь — явление откровения Духа. Покуда Церковь приводит нас к Отцу через Христа в Духе Святом, она и есть Церковь Божья, она и есть подлинная Церковь. Если в ней что-то мешает на этом пути, значит, есть внутренние препятствия ей быть самой собою. Мы не должны унывать от того, что что-то у кого-то не получилось. Мы живем в истории и понимаем, что в этом историческом времени никогда не будет осуществлена в совершенстве, в полноте община, так же как не будет в совершенстве и полноте осуществлено христианское церковное братство. Это достояние Царства Небесного, это то, что превосходит все границы Церкви и саму Церковь как явление земное. Когда Церковь станет Царством Небесным — а сейчас она только предугадывает, предсказывает, помогает нам предвидеть жизнь этого Царства — тогда соборность раскроется как главная содержательная сторона личной жизни.

Соборность возможна только в общении, в кинии. А общение — главный, основной плод любви. Тот, кто любит — он находится в общении. Кто не находится в общении — тот не любит. Общение может быть разной глубины (или высоты, или широты), обладать какими-то особыми внутренними качествами. Но оно должно, прежде всего, быть. Очень часто, как известно, путают общение с теми или иными контактами, функциями, формами устройства, системами, взглядами, идеологиями, передачей информации, и поэтому не видят возможности осуществить соборность в Церкви. Нам обязательно надо очистить свое око, открыть свои уши, приготовить себя — свои ноги и руки, свою голову и свое сердце — к новому откровению соборности, которое имеет все шансы хотя бы на время победить все болезни церкви, живущей еще в историческом времени.

«Ключа»: В теме нашей конференции слышится некоторое принципиальное противоречие: «соборность — в церкви» и «солидарность — в обществе». Но такое отчетливое разделение этих понятий имеет смысл только с точки зрения секуляризации, свободы совести и т.п., когда государство перестает пониматься как нечто священное и принцип отделения церкви от государства принимается как что-то неизбежное. Но смотреть с этих позиций на

историю церкви и общества стали сравнительно недавно, и эта точка зрения все чаще оспаривается: некоторые считают, что мы живем уже в «постсекулярную» эпоху. Ведь соборность теми же славянофилами мыслилась как форма существования именно общества, от которого они не отделяли церковь, отсюда сочетание соборности, для них довольно естественное, для нас скорее странное, с монархией. С другой стороны, солидарность мыслилась как неперенный признак устройства религиозной и, позднее, церковной общины еще с незапамятных времен творцов римского права, католических орденов и Реформации. Чем объясняется такое жесткое разделение «соборности» как чего-то «сакрального» и «солидарности» как чего-то «профанного» в формулировке темы конференции? Не есть ли в этом нечто искусственное?

О. Георгий: Вопрос очень хороший, но мне кажется, что он отчасти нагнетает ситуацию там, где этого не следует делать. Все зависит от того, как подойти к этим вещам. Можно и так, как это предложено в вопросе. Но я бы подходил к этому немного иначе. Мне кажется, что солидарность не обязательно должна противостоять соборности и принадлежать секулярному сознанию. Солидарность должна быть как бы одним из плодов соборности и католической Церкви, потому что солидарность тоже рождается из взаимопонимания, которое все-таки не чуждается взаимной любви. Да, может этого не произойти, но ведь можно и происходит. Когда мы привносим церковные качества во все стороны нашей жизни в миру, мы, с одной стороны, должны быть осторожны, потому что мир сей во зле лежит, но, с другой стороны мы должны стремиться к воцерковлению именно всех сторон своей жизни, в том числе и социальной, и культурной, и политической, и профессиональной, и семейной и т.д. Все формы нашей жизни имеют то или иное оправдание лишь постольку, поскольку они могут быть воцерковляемы. А воцерковление это невозможно, немиссионерство без такого фундаментального свойства всякой церковности как соборность. Поэтому когда мы говорим о церковной соборности и общественной солидарности, мы как раз хотим показать их связь, а не развести их по разные стороны баррикад.

Мне кажется, что невозможно привить обществу вкус к подлинной соборности устройству общественной жизни — и в экономике, и в политике, и в частной жизни — если не будут усвоены принципы соборности, если не будет никакой общинности. К слову говоря, Хомяков и другие славянофилы непосредственно связывали соборность с общинностью и ценили традиционную, в то время еще очень патриархальную общину. Они считали, что это очень свойственно России, русской культуре, народной жизни. Сейчас вместе с попранием церковной жизни так же, конечно, поправа и соборность во всех началах устройства народной жизни. Поэтому и народ так мало видит себя в качестве народа, и часто напоминает скорее какое-то собрание, толпу, массу, все что угодно, но только не народ. И мне кажется очень важным подумать о том, как соборность Церкви (а это еще и братская, и общинность в ней) может распространиться на общество, на весь народ, а значит и не только на членов Церкви. Васкулю это будет соответствовать Насколько это пожеланию людей и современным требованиям, современным стандартам жизни? Ясно, что будучи противоречит церковной жизни в ее глубине, в ее подлинных началах — именно потому, что мир лежит во зле.

Как я уже не раз напоминал, князь мира сего — дьявол. И все-таки этот мир должен быть спасен, и все люди имеют реальную надежду на спасение. Это тайна — спасение мира и спасение всех людей. Но церковь должна если не прямо, то хотя бы косвенно влиять на этот процесс положительно, она должна его стимулировать. И возможность духовного обновления Церкви в ее собственном лоне не может мыслиться в антитезе секулярное — церковное. Нужно преодолевать разрыв между светским и церковным, о чем мне приходилось уже говорить прежде, на разных примерах доказывая этот тезис. Но эта задача остается актуальной, она еще не решена. Поэтому я бы в очередной раз здесь поклонился Алексею Степановичу Хомякову и единомышленникам, которые хотя иногда и несколько упрощали какие-то вопросы (они ведь не могли знать всех судеб этого мира и даже своей родины), но все-таки говорили о вещах фундаментальных, главных и этим показывали пример всему миру — православному в первую очередь, потом общехристианскому, а потом и дальше. Наверное, на это могут откликнуться и иудаисты, и мусульмане, у них ведь тоже есть представления об общей жизни. Там есть свои противоречия, но будем сейчас об этом говорить подробно, но все такая «умма» мусульман — это мусульманская община; «синагога», хотя это и синоним такого же греческого слова «эклесия», но с небольшим нюансом, небольшим акцентом: если «эклесия» это в первую очередь общество, собрание, то «синагога» — это в первую очередь община, селад.

Сейчас, конечно, не существует сельских общин, не существует семей-общин, кроме как в братском общинном контексте, чрезвычайно редком. Но все-таки эта потенция есть, это необходимо помнить и учитывать всем нам.

«Кифа»: Вы уже отчасти затрагивали эту тему, но хотелось бы попросить Вас ее поднять. Чего Вы ждете от конференции? Какова перспектива обсуждения темы соборности и солидарности?

О. Георгий: Перспектива — возрождение, то духовное обновление, которое должно быть стимулом новой жизни. Ведь мы до сих пор живем даже не в Ветхом завете, а в каком-то полужизньстве, в том числе иногда и в формально понимаемых церковных границах. Как мы можем с этим мириться? С этим мириться нельзя! И поэтому, пока есть время, пока Господь нас еще терпит на земле, надо сделать все, чтобы церковь стала церковью, община стала общиной, братство стало братством и соборность была подлинной соборностью. Известно, что главный недостаток нашей церковной жизни — это отсутствие соборности, прежде всего местной соборности! Я надеюсь на конференцию сделать небольшой доклад-размышление о том, как мы искали местную соборность, а нашли общинно-братскую эклесиологию. Думаю, что в этом ключе и надо продвигать эту проблематику, которая, безусловно, не может быть чужим-то частным, а только лишь общецерковным интересом. Вот этого я и жду от конференции — чтобы люди включились в это размышление, чтобы они в связи с этим что-то поменяли в своей жизни, чтобы они увидели, как много еще не сделано, чтобы они не почили на лаврах, чтобы они не думали, что все это просто красивые слова, мечта или утопия. Потому что если в церкви будет подлинная соборность, вот тогда можно будет начинать говорить о возрождении, скажем, соборных начал, связанных не с католическостью, а с консолидарностью, имея в виду, например, соборы. Пока нет местной соборности, местной ответственности, пока общинно-братское начало крайне разрушено и умалено — более того, часто отторгается как что-то подозрительное, чуть ли не неправославное, — трудно говорить о подлинных соборах.

Надо просто возродить интерес к этим вещам во всех, кому небезразличны судьбы Церкви, христианства, судьба дела Божьего в этом мире в нашем историческом времени — в частности, в нашей стране, в нашей церкви. Мне кажется, очень стоит об этом говорить, причем говорить громко. Сейчас есть для этого

хоть малая, но реальная возможность. И надо ею пользоваться, пока она есть.

«Кифа»: Чем еще объясняется выбор этой темы конференции именно сейчас?

О. Георгий: В предыдущие годы мы говорили о диалоге в церкви и обществе, о благодати возрождения, которая связана с обновлением и со свободой. И если мы хотим реализации принципа духовной свободы, если мы хотим откровения благодати, а значит, любви в Церкви и в нас самих через личностное приобщение к этому дару, то мы должны говорить о личностном и межличностном начале в Церкви. А межличностное начало — это и есть в первую очередь начало соборное. Способность собирать со Христом — это способность личности: нет личности — нет собрания, нет межличностных отношений — невозможно и личностное начало. Нам нужно каким-то образом перейти от слов к делу. Надо как бы делом, жизнью своей проверить все то, о чем мы размышляли. Без этого и размышления будут некачественные, и жизнь перестанет быть жизнью.

Хотелось бы, чтобы мы смогли предложить живой опыт возрождения общины в духе любви, соборности и братства, т.е. восстановить пневматичность в церкви и человеческую личностность в контексте межличностных отношений. Это почему-то оказалось больше всего забыто. Это как бы немного «выветрилось» или превратилось в идеологию, во внешние слова без возможности действия в Церкви, т.е. в лучшем случае в идеал или в идею. Мне кажется, очень важно показать, что это может быть живой жизнью и должно быть ею. И в этом наше спасение сейчас и залог вечного спасения.

Это и то, что может еще больше сблизить христиан разных конфессий. Да, отчасти такое сближение уже произошло, прежде всего как раз на основе общинно-братских движений во всех христианских церквях. Но Господь, видимо, дает новые силы и новые возможности через возрождение местной соборности и нового понимания общины и братства, через возрождение нового народа — Христовой Церкви. Мы должны к этому как-то приближаться, и приближаться на опыте, распростирая его на все стороны христианской жизни: на богословие, на богословие, на миссию и катехизацию, на внутреннее устройство церкви и т.д.

Церковь сейчас сильно страдает, она слишком попорчена и не в состоянии вывить полноту своей жизни в своих членах, в том числе и в нас, потому что мы как бы боимся самих себя, своей веры, мы боимся делать последовательные выводы из этой веры, соединять в полной мере закон жизни с законом христианской веры и законом христианской молитвы. Боимся, потому что это потребует очень существенного пересмотра всего нашего исторического наследия, очень большой открытости и смелости, очень большого доверия Богу и друг другу. А на это очень многие не готовы, более того, кто-то считает, что этого и не должно быть в Церкви. Многие исповедуют идеологию бездвижности, придерживаются мертвой фарисейской, фундаменталистской или такой же мертвой саддукейской позиции, которую можно было бы обозначить как некое обновленчество вместо обновления. И то и другое — и фарисейство и саддукейство — в Церкви недопустимы. Господь сказал: «Бойтесь закваски фарисеев и саддукеев», и мы должны вспомнить эти слова и исполнить их.

«Кифа»: Какие вопросы внутри темы конференции Вам лично казались бы особенно важными обсудить?

О. Георгий: Мне кажется важным вспоминать прошлое — и Хомякова, скажем, и в то же время 80–90-е годы прошлого века, чтобы, с одной стороны, понять свои ошибки, ошибки всей нашей церковной жизни, а с другой стороны — попытаться выявить новые возможности. Хотелось бы, чтобы мы могли быть благодарны тем, кто уже сказал что-то существенное на тему соборности в Церкви и вскрыл какие-то проблемы, связанные как с пониманием этого основного свойства Церкви, так и с его реализацией в жизни. Это нужно делать обязательно. Надо снова укрепить жажду соборности в людях. Ведь сейчас если что-то и

говорится о соборности (впрочем, это очень редко бывает), то говорится скорее в духе недоверия к народу Божьему, или недоверия к иерархии, или просто недоверия друг к другу, или недоверия к людям, которые приближаются к Церкви, к вере и т.д. и т.д. И это умаление веры разрушает соборность.

«Кифа»: И создает почву для всевозможных расколов, реальных и потенциальных.

О. Георгий: Конечно! И провоцирует эти расколы.

Поэтому надо прежде всего поставить все эти вопросы в правильном контексте. Нам удалось это сделать в области катехизации, миссии, отчасти уже, надеюсь, и в области общинной, братской жизни в Церкви. Но нужно идти дальше, нужно говорить и о соборности как явлении духа в межличностном пространстве. Очень важно, мне кажется, найти здесь соотношение собственно соборности как католическости Церкви — и соборности как консолидарности, или католическости как вселенскости. Очень важно различать эти стороны церковной жизни. Надо попытаться дать более четкие определения, надо попытаться говорить на современном языке. Нельзя говорить сейчас на языке Хомякова и даже на языке Флоровского и Лосского, Шмемана и Мейендрофа, или, скажем, Афанасьева. Нет, нам нужно говорить уже на новом языке. И, к слову говоря, как мне кажется, таким новым языком, как ни странно, может быть в большой степени язык тех людей, которые нам кажутся давно известными и иногда даже набившими оскомину — я имею в виду о. Сергия Булгакова или Н.А. Бердяева. Когда смотришь на наследие, скажем, Бердяева, то оказывается, что через всю его жизнь проходит жажда межличностного общения, той соборности, которую он очень четко идентифицировал как проблему общинно-братскую. Он Церковь воспринимал общинно-братским образом. И это потрясающее — если это видишь и понимаешь, страницы его текстов просто оживают, они становятся пророческими, так же как отдельные высказывания А.С. Хомякова, Н.П. Аксакова и, конечно, о. Сергия Булгакова.

Если нам это удастся, мы сможем по-новому открыть для себя возможность усвоения опыта новомучеников и исповедников российских. Мне кажется, без обсуждения этой проблематики их опыт будет просто закрыт для нас.

«Кифа»: Не кажется ли Вам, что на этой конференции по-новому будет осознан и опыт нашего собственного движения?

О. Георгий: Я в этом просто уверен.

«Кифа»: А какой плод все это может принести обществу?

О. Георгий: Для него, я надеюсь, это будет вдохновением. Общество больше всего грешит сейчас унынием. А для победы над унынием нужно прежде всего вдохновение, знание своего призвания, своего пути и преодоление гордыни, т.е. знание меры всему — и самому себе, и своим деяниям. Вот это то, что общество потеряло радикальным, кардинальным образом. В современном мире полетели вверх тормашками все иерархии ценностей и все приоритеты человеческой жизни. Люди полностью деморализованы и дезориентированы. Поэтому именно постановка таких вопросов, как те, что заявлены на нашей конференции — это, может быть, центральная, главная вещь на пути преодоления этих болезней.

Дай Бог, чтобы так оно и было! Дай Бог, чтобы мы были услышаны! Дай нам Бог говорить на таком языке и в такой силе Духа, чтобы это было убедительно, чтобы это было понятно, чтобы это было открыто во всех смыслах этого слова!

Вопросы подготовлены
Александром БУРОВЫМ

¹ Как говорил еще сто лет назад свт. Арсений (Ставровский): «Замечаемые ныне настроения в церковной жизни происходят главным образом от одного источника — уклонения от лежащего в самой основе церковной жизни начала соборности, которое выражает самую суть внутренней жизни, внутреннего устройства и управления единой, святой, соборной и апостольской [Церкви]». Из «Обысков епархиальных архиереев», 1906 г.

ЛЮБОВЬ СОЕДИНИТ НАС ВОЕДИНО...

...Создалось очень сложное положение и исправить его какими-то внешними мероприятиями совершенно невозможно. Его можно поправить только одним путем: воссозданием в самой церкви, как основы жизни человека, заветов Христа. <...> Когда верующие люди поймут, что нельзя историческую церковь отождествлять со Христом, тогда у них откроется жажда обожествления и своей жизни <...> Верующие люди отвергнут все, что наслоилось на Теле Христовом по порочности человека. И жизнь Церкви преобразится.

Человечески представить себе эту перемену почти невозможно. Но эта перемена — во славу Божию, и поэтому она уже обеспечена.

Наше дело заключается не в том, чтобы устраивать в церкви какие-то смуты, а в том, чтобы возлюбить Закон Божий. Эта любовь соединит нас воедино и даст нам силу для воссоздания церковной жизни по заветам Христа.

Родной мой человек, я тебе уже говорил, что когда ты общаешься с людьми, ты всегда можешь видеть, что в жизни людей от Христа и Его Любви и что — от человека и его гордости. Но ты не один. Подобные тебе имеются и рядом с тобой. Такие люди в наше время вызывают враждебность к себе со стороны сильных мира сего. Они нас придают, и только потому, что мы очень слабы и мало способны утверждать свою жизнь во Христе. Только эта слабость лишает нас мужества открыто исповедовать то, что нам дороже жизни.

Все церкви по всей стране захвачены людьми, которые в подавляющем большинстве просто мошенники, которые захватили и власть над нами, не ради служения Христу, а ради обогащения и себя, и тех, кто поддерживает их. Есть в храме и неплохие люди, но они идут на поводу у мошенников. И все они вместе представляют собой толщу, которую пробить одному человеку невозможно.

Вот почему я и говорю тебе, родной мой человек: объединяйся сердцем с теми, кто сохранил веру свою неповрежденной и кого не сломил попорченности имени Божьего, которое он видит в жизни, и прежде всего, в существующей церковной организации.

Нет никакого сомнения, что ты в своем сердце уловишь бинение сердца и другого человека, также жаждущего Христа. Нет сомнения и в том, что тебе откроются имена других братьев и сестер, жаждущих жизни во Христе так же, как и ты. Вот и держитесь друг с другом и своего жизнью исповедуйте имя Того, Кто открыл вам и путь преобразования этой земли, чтобы соединение неба и земли беспрепятственно совершилось.

...Мне скажут: «Ты проповедуешь заговор». Не отреагируй от этого. Да, я проповедую заговор, заговор Любви, а не насилия. И я сожалею только о том, что моя проповедь слишком слаба для того, чтобы подвинуть всех людей на службу Богу и Правде Его. Но я весь в жажде слышать такой силы голос проповеди, который всех потрясет бы нас, пробудил от греховного сна и даже мертвых возбудит бы.

(Полностью эта проповедь архим. Сергия (Савельева) была опубликована в журнале «Православная община» № 56)

СОВРЕМЕННЫЙ ПРОПОВЕДНИК ДОЛЖЕН ИМЕТЬ БЛОГ В ИНТЕРНЕТЕ

Интервью иеромонаха Агафангела (Белых) и священника Димитрия Карпенко

Продолжение. Начало на с. 1

Можно говорить очень пространно, что это общение всего творения и т.д., но это будут общие, хотя и правильные слова, а вот что касается главной практической цели, то миссия — это воцерковление людей, научение их жизни с Богом. Естественно, нужно, чтобы все это было постепенно — нельзя же прыгнуть выше головы. Человек должен прежде всего осознать, ради чего он вообще в Церкви находится, т.е. нужно начинать с научения, с оглашения. Это, казалось бы, такая прописная, простая истина.

Наша цель — чтобы у всех было понимание того, что необходимо научение, что в церкви нельзя жить только потому, что ты родился в России, только потому, что ты русский, а значит, православный. Религия не является просто бесплатным приложением к твоему паспорту, национальности, гражданству. Если человек исповедует то или иное вероучение, считает его истинным, он должен быть вероученным в своем религиозном выборе. Вот и нужно научить людей быть ответственным: если они считают себя православными, они должны за свои слова отвечать. Естественно, их нужно этому научить, нужно дать то, чего они не знают. То есть должно возрождаться оглашение, людей нужно готовить к вхождению в Церковь, а не просто так крестить. Когда же мы человека научили, ввели в Церковь, дальше он должен начать жить в ней, понимая, что жизнь-то не заканчивается на том, что он стал крещеным человеком, она на самом деле только начинается. И здесь есть еще один очень важный момент, который должен у всех нас в голове уясниться раз и навсегда: наша цель — это общение с Богом и друг с другом, потому что каждый человек — образ и подобие Божие. И это высшее общение достигается в таинстве Евхаристии, в литургии, в совместном причащении.

Все это базовые вещи: человека нужно научить осознанности, ответственности, ввести его в Церковь, и Церковь ему преподает благодатные дары, все то, что она преподает в таинстве Крещения. Затем человек должен начать жить в Церкви, стать участником ее таинства. А это означает, что мы не должны быть православными только на Пасху или Рождество, или когда родственники умирают, или когда еще что-нибудь случается. Это основополагающие понятия, которые должны раз и навсегда утвердиться в голове человека, чтобы насчет этого даже никаких вопросов не возникало. У нас же получается, что вокруг этих элементарных и самых важных моментов возникают споры и дискуссии: мол, то и это не нужно, часто причащаться — грех, и учить людей ничему не надо. Но если мы этих главных целей не поставим перед собой, не поймем, что это как аксиомы, которые не подлежат никакому обсуждению, то дальше двигаться с места будет очень сложно. Но как только мы начинаем говорить о том, что людей нужно научить вере, сразу возникает противодействие.

О. Агафангел: Я скажу как практик, который имеет опыт служения в разных местах: пока что действительно одна из проблем здесь — это противодействие большей части регионального духовенства.

Есть и еще проблема: некому научать. Есть такие места, где батюшки, — хорошие батюшки, никто не говорит, что они плохие, что они что-то делают неправильно, — ничего не умеют и не знают. Они привыкли все делать так, как им показали в начале их служения: вот есть бабушки, есть панихида, есть блины с панихидами. Обедня стоит 15 рублей. Я начинаю спрашивать у этого батюшки, в чем разница между заказной обедней и простой. Он говорит: я делаю так, как тут было все время. И это проблема, которую нужно преодолевать изначально — просвещением среди духовенства.

«Кифа»: Есть старый хороший принцип: уча друг из — учусь сам. Александр Михайлович Копировский, один из преподавателей Свято-Филаретовского института, был в свое время преподавателем церковной археологии в Ленинградских духовных школах, будучи еще студентом отделения истории и теории искусств исторического факультета МГУ. Он говорит, что лучше всего узнал свой предмет, когда начал преподавать.

О. Агафангел: Курс миссиологии, который сейчас преподается в Белгородской духовной семинарии (его написал частично я, частично отец Алексий, который сейчас преподает миссиологию), возник именно из наших попыток осознать, о чем вообще надо говорить.

«Кифа»: Так, может быть, все-таки ситуация не очень безнадежна?

О. Агафангел: Ситуация не безнадежна совершенно, потому что как может быть безнадежным дело Церкви? Но она тяжеловата, конечно, особенно в небогатых регионах, где храмы никогда не закрывались, где всегда было много церквей — в Центральном Черноземье, на Украине

О. Димитрий: Есть некая инерция.

«Кифа»: Кажется, все проблемы названы?

О. Димитрий: Основные назвали.

«Кифа»: Тогда хотелось бы спросить Вас об особенностях миссии сегодня. Что, по вашему преподавательскому и пастырскому опыту, современного человека в Евангелии больше всего «цепляет»?

О. Агафангел: Из опыта моего общения с молодежью — это евангельская свобода, внутренняя освобожденность. Когда человек вдруг начинает понимать, что он несвободен, то это очень важный миссионерский повод — Свобода Евангельская. Это всегда находило отклик, и на этом основании удавалось завязать обоюдно интересную беседу, особенно когда я встречался с молодыми людьми, студентами, старшеклассниками.

О. Димитрий: Я согласен с о. Агафангелом: тема свободы — насколько мы свободны в своих действиях, в своих мыслях, в своих высказываниях — это вечная тема, которая всегда будет обсуждаться, она задает каждого человека. Действительно, Евангелие дает эту свободу, дает нам возможность быть теми, кто мы есть на самом деле. Реальному человеку приходится быть в разных ипостасях: на работе он один, в семье другой, а с самим собой с Богом он совершенно иной. Как научить человека жить в целостности, чтобы у него и в мыслях, и в высказываниях, и в поступках был виден настоящий человек, не раздробленный? Чтобы во всем было целомуцелое? Православие дает эту возможность, Евангелие показывает нам путь, как достичь этой целостности во всем, чтобы мы не были двуличными, трехличными, чтобы мы были теми, кто мы есть на самом деле, не боялись этого. Святые отцы говорят: любви Бога и делай что хочешь. Вот принцип христианской свободы, евангельский принцип. Надо научиться этому.

О. Агафангел: Проблема развращенности может стать очень непострой для человека. Если он себя не осознает целостной личностью, тогда это самое «душное» состояние души. И может быть, очень хороший выход — беседы об этом. Как частный повод, в беседах, особенно со школьниками, всегда очень хороша тема о том, что такое настоящая любовь. Потому что для молодых людей оказывается совершенно непонятной новостью, что любовь истинная есть жертвенность.

«Кифа»: Спасибо. Это на самом деле очень серьезно, потому что когда об этом говорит какой-нибудь журналист или человек, привыкший на публике выступать, это одна ситуация, но когда люди, имеющие церковную ответственность, говорят от имени Церкви, это все гораздо серьезнее, и несколько парадоксально, очень неожиданно получается: пришел батюшка и заговорил о Любви и Свободе...

Хотелось бы еще спросить вот о чем: что изменилось не внешне, а в самих людях, к которым вы обращаетесь с проповедью, за последние 15–20 лет условий относительной свободы? Что, скажем, раньше «цепляло», а сейчас уже не «цепляет», и наоборот?

О. Агафангел: Говорить за последние двадцать лет сложно, потому что я столько времени не служу. У нас есть в епархии отец Леонид, ему уже, наверное, за семьдесят, он служит около сорока лет, все время на одном месте, в одном селе. Я его спрашивал об этом. Он говорит: вот, раньше все было понятно, но многое было запрещено, а сейчас вроде все можно, но ничего не понятно. Это мнение старого священника. А если говорить о том, что могло измениться в людях, то я рад, что пошел на спад этот церковный бум конца 80-х годов, когда после 1000-летия крещения Руси все пошли креститься. Сейчас, к счастью, этого стало меньше, люди стали ответственной относиться к своему воцерковлению.

О. Димитрий: Да, теперь мода на православие потихонечку сходит на нет. Это показатель того, что люди начинают серьезнее относиться к своему существованию в Церкви. Уходит сознание, что мы православные, потому что это круто, потому что все кругом православные. Человек должен делать осознанный выбор, потому что он верит Богу и хочет жить так, как Бог говорит. У нас, к сожалению, люди часто приходили и приходят в Церковь не исходя из этого, а просто из-за влияния каких-то внешних факторов, иногда абсолютно не относящихся к Церкви. Но перелом в этом уже произошел, и я надеюсь, что Церковь сейчас уже воспринимает не просто как место для отправления каких-то своих потребностей и не как социальный институт, хотя наверняка нам это место хотят предоставить: мол, занимайтесь неустрашенными, малоимущими, не более того.

О. Агафангел: Сохраняйте традиции.

О. Димитрий: Да, некое гетто такое. А Церковь гораздо больше всего этого, и все больше и больше людей начинают это понимать.

И еще важный момент: 15–20 лет назад была иллюзия того, что наша страна вдруг станет православной, что вот сейчас все откроется, все будет возможно, стоит только открыть храмы — и все, люди пойдут в них, сейчас мы Библию напечатать и литературу станем издавать, ту, которая запрещена была... Но коренного обращения всех не произошло. Наша страна, конечно, потихонечку встает на ноги, однако мы не можем сказать, что все наше народонаселение осознает себя православными христианами. Потому что вдруг ничего не случается. Скажем, многие наши монархисты думали: вот мы сейчас царскую семью канонизируем, и все быстро-но у нас изменится. Но ведь так же не бывает. Человек должен понять, что он сам, а не кто-то где-то что-то должен сделать, и пока он не захочет изменить свою жизнь, ничего не

изменится. Я надеюсь, что это понимание будет доминировать в нашем, по крайней мере церковном, народе.

«Кифа»: А сейчас этой иллюзии нет — что страна вдруг станет православной?

О. Димитрий: Она станет православной, только если каждый человек захочет стать православным. Конечно, она может стать такой, но не благодаря каким-то внешним факторам.

О. Агафангел: Я думаю и надеюсь, что, конечно, возрождение православия в России будет продолжаться в каких-то больших, качественных категориях, но это будет следствием нашего труда, нашей жизни — жизни каждого отдельного человека: мирян, духовенства, журналистов.

«Кифа»: Особый чин — церковный журналист... Хотя когда вы говорили о конкуренции разных течений и о разобщенности как основной проблеме, тут упрек может быть обращен в том числе и к медиа, потому что они тоже много сделали для разобщенности, для нарушения общения.

О. Агафангел: При этом некоторые ресурсы это делают сознательно.

«Кифа»: Вопрос о специфике именно православной миссии. Есть ли чисто православная специфика миссионерства — может быть, то, что святой преподобный архимандрит Макарий (Глухарева) называл «миссионерской приветливостью», может быть, что-то другое? Что отличает православную миссию от протестантской или католической — не обязательно в современности, может быть, в истории?

О. Агафангел: Вы правы: св. Макарий (Глухарева) можно назвать, наверное, одним из лучших миссионеров. Очень показательно, что за четырнадцать лет алтайской миссии он покрестил семьсот человек, не больше. Он был лично отцом для каждого человека, который покрестился, он передавал духовную радость людям, и они потом оставались с ним, оставались на этом месте и вокруг них уже возникали христианские общины.

О. Димитрий: Это то, что мы видели, допустим, в Сурожской епархии. Покойный владыка Антоний — величайший человек, который делился радостью, любил каждого человека, приходившего к нему. Помните, как преподобный Серафим Саровский обращался к каждому приходившему — «радость моя!»

О. Агафангел: Можно сказать, что протестантская миссия очень сильно зашла на технологии. Католическая — на организации, на финансах. А у нас нет ни финансов, ни технологий, поэтому мы можем только делиться любовью.

О. Димитрий: Единственное оружие, которое у нас есть — это делиться радостью.

«Кифа»: Общение, да?

О. Агафангел: От сердца к сердцу.

«Кифа»: А можете ли вы назвать какие-нибудь примеры того, что сейчас называется православной инкультурацией?

О. Димитрий: Например, наш журнал «Новый Ковчег».

«Кифа»: Расскажите, пожалуйста.

О. Димитрий: Основной принцип нашего издания — принцип погружения в культуру, в которой мы находимся, в которой мы живем. Потому что на сегодняшний момент именно светская культура становится точкой пересечения и камнем преткновения для многих людей, как церковных, так и нецерковных. Те мысли, те идеи, которые высказываются в лучших творениях нашей культуры — светской, нецерковной культуры — на самом деле заставляют человека задуматься о многом, прежде всего о том, что живешь ты на земле не для того, чтобы есть и пить, а ради какой-то другой цели, высшей. И обратиться на это внимание, показать это, поразмыслить над этим, конечно же, церковь должна. Это путь святых отцов, которые говорили о том, что мы имеем право читать языческих авторов, языческих философов, преломляя их в себе и извлекая из них все то доброе, что у них есть. Точно так же должен поступать и современный человек. Основная проблема воцерковляющихся людей в том, что когда они становятся чуть ближе к Церкви, чем были ранее, они начинают отказываться от всего того, что им было интересно до этого. Увлекались какой-то музыкой — перестают слушать музыку, любили смотреть какие-то фильмы — перестают смотреть фильмы. Если у них были какие-то книги, которые они любили читать — они перестают читать. То есть человек огораживается, создает себе некий заповедник, благодатный, как ему кажется, и потом, через какое-то время приходит скука, приходит непонимание того, как двигаться дальше, на что опираться, вообще как, собственно, жить. Потому что церковности как таковой до конца не хватает, молитвы не хватает, смирения, еще каких-то качеств, которые необходимы для человека по-настоящему церковного. А вот светская культура — это та подпорка, на которую можно опереться в какие-то моменты, когда тяжело, можно вспомнить какую-то книгу, произведение, музыку и т.д., и она, возможно, подвигнет нас на размышления о том, как нужно жить и что нужно делать. И в этом плане журнал «Новый Ковчег» предназначен для того, чтобы показать молодым людям (и не только молодым, а вообще всем людям, думающим над своей жизнью), что та среда, которая нас окружает, в кото-

рой мы обитаем, живем, дает нам множество подпорок, на которые мы можем опереться. Главное — от них не отмахиваться. Нужно всматриваться в них, быть непредвзятым.

Есть хороший образ — «евангельское семя». Любая современная культура, которая есть, даже включая и полностью западную культуру — она построена на христианских корнях. Пусть искаженных, пусть сильно перекрученных, огрубевших и омертвевших, но все равно культура Европы, Америки и славянская культура, — это та культура, которая построена на христианской мысли, и важно найти в ней это евангельское семя. Святитель Иоанн Златоуст (любимая моя цитата из него, которую я все время повторяю) говорил, что у нас нет ничего общего только с дьяволом, со всеми людьми мы имеем много общего.

О. Агафангел: Есть, конечно, в этом способе и негативная сторона. Мы можем слишком пытаться все притянуть за уши к христианству. Конечно, здесь должно быть все разумно и по Духу сделано. Церковь живет Духом и живет Смыслом, — это слова отца Георгия Кочеткова, которые меня однажды просто поразили. Мы с ним беседовали об этом три года назад в Белгороде. И, действительно, когда доминирует Дух и теряется Смысл, получается пятидесятничество. Когда появляется Смысл, но теряется Дух, получается кальвинизм. А церковь должна жить Духом и Смыслом, поэтому это главные руководители в любой миссии, в любой деятельности. Нужно слушать Духа, но и иметь здравый смысл.

«Кифа»: А какие вещи в миссии недопустимы в принципе?

О. Агафангел: Нельзя нести отсебятину прежде всего, в том смысле, что здесь есть большой соблазн — вести к себе, а не ко Христу. Причем соблазн совершенно естественный, ведь миссионер — обычно человек активный, он много общается и вокруг него возникает какая-то группа людей. И вот он, думая, что ведет их ко Христу, на самом деле ведет их к себе. И конечно, здесь нужно всегда иметь тонкое понимание.

О. Димитрий: Недопустима ложь. Миссионер не имеет права обманывать людей, это самое главное. Он должен говорить все так, как есть на самом деле. Когда человек приходит в церковь — допустим, хочет креститься — миссионер ему должен сказать честно, что если человек сейчас крестит своего ребенка, то это не означает, что на следующий день он перестанет болеть, что жизнь начнется такая, как ты хочешь. Это не означает, что ты будешь жить в достатке, и у тебя будет все то, чего ты желаешь. Потому что некоторые, к сожалению, воспринимают церковные таинства так: сейчас нам все дастся. Если мы освятим кому-то жилище или автомобиль, это не означает, что с ним вообще теперь ничего не случится. Человек всегда ответственен. Господь нам помогает, Он протягивает руку, но главное — наше движение навстречу Богу. Поэтому миссионер должен всегда говорить правду, он должен сразу предупредить: когда вы собираетесь стать православным человеком, это означает, что вы всегда будете стоять перед выбором, как поступить — так, как нужно или как не нужно. Собственно, человеческая жизнь и есть постоянный выбор между добром и злом. Поэтому ложь, лукавство, неискренность недопустимы для миссионера. Конечно, будут ошибки на пути, но если будет искренность, если будет вера в Бога и любовь к людям, то, я думаю, все остальное приложится. Как сказано: «Ищите прежде Царства Небесного, а все остальное приложится вам». Поэтому если миссионер будет верить Богу, любить людей и искренне стараться донести до них Истину, то Господь даст все, что необходимо и тогда есть надежда на то, что миссия наша будет все-таки выполнена.

«Кифа»: Единственное, мне кажется, что качества, которые Вы назвали, — вера в Бога, искренность, любовь, стремление или победиться, — все-таки очень важные для каждого верующего человека.

О. Агафангел: Надеюсь, Вы знаете, что к миссии каждый призван.

О. Димитрий: Вы хотите сказать, обязательно, чтобы он был православным?

«Кифа»: Обязательно именно миссионером.

О. Агафангел: В Библии сказано: «Вы — свет миру». Сказано всем, не каким-то там миссионерам. Поэтому каждый верующий христианин должен быть приветлив, каждый должен иметь возможность делиться своей любовью.

«Кифа»: А такое явление как контрмиссия — насколько оно оправдано?

О. Димитрий: Оно есть, но не знаю, насколько оно оправдано.

О. Агафангел: Контрмиссия как противодействие прозелитизму?

«Кифа»: Как противодействие миссии других конфессий.

О. Агафангел: Ну, во-первых, должна быть информационная миссия, которая доводила бы до сведения людей то, что они должны знать. Если мы говорим о таких явлениях как иеговисты, мормоны, то понятно, что частью миссионерской деятельности, разумеется, будет информационная миссия. Другое дело, что здесь все равно недопустимы какие-то грязные ходы, провокативные действия.

«Кифа»: Каким должен быть современный проповедник?

О. Агафангел: Современный проповедник должен иметь блог в Интернете. И у него должно быть не менее двух-трех тысяч постоянных читателей.

О. Димитрий: На самом деле, не нужно недооценивать ресурсов Интернета и общения по Интернету.

О. Агафангел: Это некий вновь возникший способ миссии. Мы знаем по социологическим исследованиям, что сейчас блогам доверяют, в смысле достоверности информации, больше, чем официальным СМИ. Блог — это то самое «от сердца к сердцу». Там человек не спрятан, так что «блоггерство» — это способ напрямую общаться с человеком, делиться своими проблемами.

«Кифа»: Но все-таки это виртуальная штука.

О. Димитрий: Но она имеет дело с конкретными людьми, не виртуальными.

О. Агафангел: Виртуальной штукой она была бы в том случае, если бы это было что-то скрытое, анонимное, но часто блог ведется конкретным человеком, с которым можно созвониться, повстречаться.

Чудесный улов рыбы. Современная роспись. Румыния

О. Димитрий: Феофан Затворник тоже через письмо общался со своими духовными чадами.

О. Агафангел: А сама форма дневниковой записи? Вы посмотрите, какой сейчас резонанс вызвала публикация дневников о. Александра Шмемана, когда люди могли просто почитать его искренние записки, узнать его сомнения и ту боль, которая его терзала. Я специально стал изучать тему «блоггерства». Форма все равно остается та же самая, но современная техника дает немалые возможности, когда можно за один час ответить на вопросы десятков людей — из Австралии, из Японии, из Америки, из соседнего дома.

«Кифа»: Про современные технические средства я понял, а вот каким должен быть облик современного проповедника?

О. Димитрий: Да каким угодно. Мне кажется, нельзя сделать какой-то унификации.

О. Агафангел: Он должен быть просто приветливым человеком — и все. И если он проповедник, то он должен быть готов всегда ответить на вопросы.

О. Димитрий: Проповедник должен, прежде всего, знать, что он проповедует. Он должен хорошо знать свою тему, должен быть образованным человеком.

О. Агафангел: Может быть, одна из особенностей нашей миссии — то, что мы не навязываем свое знание. Но мы должны быть всегда готовы дать адекватный, полный ответ на вопрос, который возникнет у человека. Сейчас большой резонанс вызвал в СМИ телефон доверия «Позвони батюшке». Это же прекрасная возможность задать вопрос, который иначе никогда не задаст человек, который по тем или иным причинам не пойдет в церковь, но готов заплатить за пользование этой связью. И вот тут, что будет там сидеть, он должен быть готов всегда приветливо и адекватно ответить на любой вопрос.

О. Димитрий: Приветливость, действительно, важное качество. Мы говорили, что, к сожалению, среди некоторых людей, которые считают себя православными, бытует такое явление: стоит произнести какое-то определенное слово, термин или фамилию, как нормальный, спокойный человек теряет самообладание и перестает адекватно реагировать на происходящее. У проповедника не должно быть таких моментов, когда он выходит из себя, раздражается и начинает говорить то, о чем он, возможно, и не думает.

О. Агафангел: Можно раздражаться — мы, разумеется, живые люди, сделанные из костей и мяса, и гнев, и раздражение, все имеет место. Но пусть это будет не на людях, а в келье, вечером, перед иконой, с молитвой о том, чтобы этого не было.

О. Димитрий: Человек не должен терять адекватность. Может быть какое-то неприятие чего-то, но нельзя терять адекватность.

О. Агафангел: Я думаю, что чувство неприятия, оно и должно в чем-то быть, мы реальные живые люди и есть вещи просто неприемлемые ни при каких условиях.

«Кифа»: Не имеется ли в виду некая психотерапевтичность в общении с людьми?

О. Агафангел: Нет, это, разумеется, не Карнеги, не то самое американское использование приемов, вечный смайл и т.п., нет, разумеется, хотя, я скажу,

что при беседе со многими даже священниками, которые в принципе имеют отношение к православному миссионерству, журналистике, тема НЛП поднималась как одна из вполне возможных. Но я категорически против этого, разумеется.

«Кифа»: Возможно ли и нужно ли межконфессиональное сотрудничество в области миссии, и на каком основании?

О. Димитрий: Ни в коем случае не может быть компромисса в вопросах вероучения. Здесь не должно быть размытости. Мы должны понимать, что православная церковь есть Церковь Христова, которая содержит в себе полноту, необходимую для спасения. Естественно, существуют другие христианские конфессии, где тоже есть искренне верующие, которые стараются как-то проповедать людям, приводить их ко Христу, поэтому какое-то сотрудничество в принципе возможно. Но сотрудничество, которое не касается изменения нашего вероучения. Если мы будем дружить с каким-нибудь католическим священником, переписываться с ним, общаться, это не означает, что все те заблуждения, которые исповедует католическая церковь, мы должны тут же принимать за свои. Это главное, что нам нужно понять. К сожалению, у некоторых людей, настроенных слишком открыто, происходит стирание границ. Такое бывает даже среди тех людей, которые называют себя православными. Конечно, определить границы Церкви, сказать: «Там Церковь — там не Церковь» мы до конца не можем. Но необходимо четкое понимание того, что у нас есть православное вероучение, которое мы должны сохранять и ни в коем случае не разбазаривать и не дополнять его чем-то, абсолютно ему несоответствующим. А во всем остальном, конечно, возможно какое-то наше сотрудничество — в том, что касается, скажем, недопустимости абортов. Конечно, мы здесь можем выступить вместе с католической церковью, или даже с протестантами. Мы можем сказать, что человек ответственен за то, что он совершает такой ужасный грех, мы должны сказать об этом людям. И, естественно, в какой-то стране, где доминирующей конфессией является, допустим, католичество, или лютеранство, или иная конфессия, православная церковь может присоединиться к этому голосу. Но когда что-то касается вопросов православного вероучения и искажения его, то здесь мы должны быть твердыми и должны исповедовать веру такой, какая она есть.

О. Агафангел: Я хочу добавить, что, действительно, на каждом собрании что-то обсуждалось очень важное — христология, мариология, пневматология — и сейчас, для XX-XXI века, мне кажется, очень важной стала экклесиология, так как четкого соборного определения, такого, как Халкидонский догмат, например, здесь нет. Разумеется, возможно сотрудничество в диаконии, в социальных вопросах, в борьбе с грехом в нашем общем понимании. Здесь мы можем стоять плечом к плечу. Но нам нужно в это же время с очень большой опаской стараться сохранить традиции своей церкви.

О. Димитрий: Не размытая их. Потому что, к сожалению, это иногда происходит.

О. Агафангел: К примеру, Магдебургское соглашение вызвало совершенно понятную реакцию той же Зарубежной церкви и, к сожалению, невнятное объяснение с нашей стороны.

О. Димитрий: На самом деле это вопрос дискуссионный, который можно и нужно обсуждать вместе. Мы говорим о границах Церкви, о действительности таинств, совершаемых в других конфессиях. Это вопросы, на которые святые отцы иногда отвечали очень жестко и безапелляционно: так и не иначе. Если мы обратимся к творениям отцов, то мы найдем очень жесткие фразы, очень неполициткорректные. Если православная церковь на протяжении тысячелетий своего существования по-разному принимала отпадших от церкви, то это еще не говорит о том, что в других церквях действует благодать, которая достаточна для спасения. Это вопрос тоже очень важный, потому что даже в нашей церкви у многих людей есть разные мнения по этому поводу, иногда диаметрально противоположные. Необходимо некое соборное слово, которое оградило бы нас от того, что не является православным. И сейчас этот вопрос назревает. Возьмем, к примеру, эпоху Вселенских соборов: какие вопросы там поднимались? Сколько, например, воле во Христе. Сейчас спроси кого-нибудь об этом — да никого это не интересует. А тогда тут же собрался собор, возглавлялись анафема, то есть происходило живое обсуждение и решение насущных церковных проблем. И эти проблемы постоянно нарастали, еретические воззрения постоянно пытались проникнуть в Церковь. Сейчас, когда эпоха соборов прошла, появилась некая иллюзия, что теперь ереси кончились, теперь все нормально. А чем наше время лучше? На те вопросы, которые сегодня существуют, Церковь должен быть дан в согласии со всеми соборами, которые были ранее, совершенно ясный и четкий ответ: что является частью нашего Предания, нашего православного вероучения, а что им не является. Иначе будут возникать междоусобицы, разные партийные направления, движения и люди будут сориться друг с другом. А ведь это тоже дело нашей миссии. Поэтому вопрос об адекватном ответе Церкви — не праздный. Много вопросов назрело, необходимо их изучить и дать на них адекватный ответ.

Беседовал Александр БУРОВ
Благодарим за помощь в подготовке материала
Елену ЗАХАРОВУ

Он умел помогать другим в глубине сострадающего сердца

Отец Георгий Чистяков не был моим духовным отцом, но почти с самого начала моей церковной жизни был рядом, всегда мгновенно готовый на помощь. И я буду помнить его как человека, сделавшего очень много доброго для меня и моих близких.

Вот одно из множества других, самое дорогое воспоминание.

Июль 2001 г. Большинство моих братьев и сестер вместе с о. Георгием Кочетковым в паломничестве по разным городам. После тяжелой болезни умирает мой муж, и вдвоем с его неверующим братом мы идем («ради меня») в кладбищенский храм заказывать отпевание. Работница свечного ящика, привычно задавая формальные вопросы, говорит: «платите вперед, а то мало ли что...». И тут я твердо решила, что отпевать здесь мы не будем. Брат мужа стал возражать: «да везде одинаково отпевают, какая разница, тело куда не повезем». Но я же знаю, я видела, что есть разница, я же знаю, каким должно быть отпевание, церковная молитва по усопшему человеку! И я звоню отцу Георгию Чистякову:

— Не могли бы Вы...

— Да! Куда и во сколько приехать?

Отец Георгий отпевал мужа не в храме, а в кладбищенском морге, но это было богослужение в полном смысле слова. Была общая молитва, проповедь, пение (пришла Аня Виноградова и с ней те, кто из хора оказался в Москве). Слово отца Георгия о моем муже было настолько точным, словно он знал его лично очень давно. И оно потрясло всех, особенно маму моего мужа. И все это вместе стало христианским свидетельством и для родственников, и для сослуживцев моего мужа — людей, не доверявших ни «попам», ни церкви. А потом отец Георгий предложил послужить литию на могиле и был до самого конца. Он уехал на автобусе, наотрез отказавшись взять деньги на машину.

Благодарю Бога за встречу и общение с отцом Георгием, этим необыкновенным человеком, забывшим о себе ради Христа, умевшим помогать не просто внешним выражением сочувствия, но всерьез, в глубине сострадающего сердца.

Вечная память доброму пастырю!

Валерия ВОЛКОВА

Одно из последних писем, которые он писал из больницы своим друзьям и духовным чадам, написано в праздник Пятидесятницы: «В этот день мне хочется особенно сказать вам, как во время болезни глубоко и по-новому я понял слова апостола Павла «Всегда радуйтесь!». Радость, которую никто не отнимет от вас, это особенный дар, который Иисус даровал нам, христианам, как говорится в Евангелии от Иоанна. Радость поистине делает нас другими людьми, новыми людьми, которые все переживают по-новому. Нельзя заставить себя радоваться даже самыми сверхчеловеческими усилиями воли. Радость — это действительно дар, поэтому будем благодарить Бога за то, что мы одарены Им радостью».

Уход о. Георгия Чистякова для многих оказался неожиданным. Да, разговоры о его тяжелой болезни ходили давно. Да, батюшка не смог служить на Пасху. Но, думалось, вот полечится — и вернется. Он и вернулся — в дом Отца. Для московской церковной жизни 1990-х — 2000-х годов имя о. Георгия Чистякова чрезвычайно значимо. Он был настоящим пастырем. Человеком, который открывал для людей, ищущих Бога, красоту и радость Христианства.

Христос был в центре всей его жизни, в его сердце. И он вел людей к Нему, стараясь обойти многочисленные преграды, воздвигнутые историей. Именно эта устремленность позволяла о. Георгию вести подлинный экуменический диалог поверх конфессиональных границ, которые, как известно, до небес не доходят.

Вспоминаю, как о. Георгий вдохновенно служил Божественную литургию. Особенно значимым, и это чувствовалось по всему, было для него то место, когда он говорил: «Христос посреди нас». Ему было важно чувствовать, знать, что службу совершает не только предстоятель, но и вся церковь, все собравшиеся в этот день в храме.

Он не отделял себя от жизни простых прихожан. Не ускользал от общей судьбы, как делает это сейчас большинство интеллектуалов. Он был со всеми. «Там, где мой народ, к несчастью, был». И его голос, его дела несут печать этой общей судьбы. С ней связаны и меткие суждения во время проповедей, и социальные служения, и яркие газетные публикации. При этом читальным залом и кабинетом, как однажды признался священник, стали для него метро, скамейка на автобусной остановке или в здании вокзала.

О. Георгий шел по жизни всегда вперед и вверх, поэтому не вступал в жесткие полемические схватки. Но свой демократический выбор подкреплял всегда. И это помогало многим верующим как-то сориентироваться в бурном житейском море.

Открытость Богу и людям не позволяла священнику проходить мимо несправды, которая порой встречается в церкви. Со злом в церковной ограде он боролся и словом, и делом. Скажем, в 1997 году во время гонений на «кочетковцев» батюшка был одним из немногих священнослужителей, переступивших порог храма Успения в Печатниках. «Мы были с вами в радости, будем с вами и в печали», — говорил он.

В среде «охранителей» с именем о. Георгия связан штамп «либерал». И во всевозможных фундаменталистских СМИ его травлили, обвиняя в экумени-

зме и требуя у священноначалия извергнуть его из сана. Бог судия этим людям.

Я не был духовным чадом о. Георгия Чистякова, да и в храм, где он служил, приходил не так часто. Однако и редких касаний со священником было достаточно, чтобы понять, какой колоссальный груз он несет. В московском храме Космы и Дамиана в Шубине к нему на исповедь всегда тянулся длинный хвост. И надо было видеть с какой любовью о. Георгий говорил, успокаивал, утешал. Складывалось впечатление, что он является одновременно и духовником, и психотерапевтом. На нем буквально «висели» сотни сестер, которых батюшка вытаскивал из всевозможных душевных и духовных ям и колодезней. Думаю, это служение ему по наследству досталось от о. Александра Менья.

И еще одно очень важное служение он нес: проповедь Слова. Он постоянно напоминал верующим о важности ежедневного чтения Священного писания. О том, что нужно входить в текст. Питать свою душу святыми словами. Сам он читал Писание на многих языках, поэтому мог комментировать самые трудные места Библии.

О. Георгий можно было бы назвать и пастырем для интеллигенции. И потому, что он окормлял значительную часть людей культурного сообщества, и потому, что всячески поддерживал разного рода культурные инициативы внутри церковной ограды. А это тоже, в свою очередь, требует пастырских усилий. Мне радостно отметить, что о. Георгий был членом жюри II Филаретовского конкурса религиозной поэзии в Интернете и одним своим именем способствовал успешному его проведению.

В эпоху постмодерна, когда шутливой карнавал личин захлестнул все и вся, о. Георгию удалось оставаться цельным человеком. Он не умел, да и не хотел стилизоваться под известные образцы благочестия. И внутренне оставался совершенно свободным. Это была свобода во Христе, явленная граду и миру. Свобода и радость. Эти слова неотделимы от его образа.

Борис КОЛЫМАГИН

Фото © c aima
tapirr.com/ekkleia/chistyakov/photos.htm

ХРИСТИАНСКАЯ СОБОРНОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Международная конференция. Москва 16 — 18 августа 2007 г. Организаторы: Преображенское содружество малых православных братств, Свято-Филаретовский православно-христианский институт, журнал «Вестник русского христианского движения»

В середине XIX в. А.С. Хомяков выразил идеал церковной соборности, определив его как пребывание церковного народа в призвании, общении, любви и свободе Святого Духа. Понятый так, этот идеал естественно был противопоставлен всем крайностям как жесткого авторитаризма и коллективизма, так и крайнего либерализма и индивидуализма, заново открывая для современников христианство как путь жизни, иной по отношению к миру сему, т.е. как иночество. В то же время этот идеал прямо соотносился не только с поисками церковью обновления своей жизни в предчувствуемых новых исторических условиях, но и с чаяниями общества, так же начинавшего понимать неизбежность перемен и, соответственно, необходимость своего внешнего и внутреннего переустройства на тех же началах, которые, во избежание смещений, мы сейчас назвали бы скорее «солидарностью».

С тех пор и церковь, и общество прошли большой путь в поисках раскрытия и соборности, и солидарности. Здесь было множество подлинных духовных прорывов, теоретических и практических достижений, но, может быть, еще больше — трагических срывов и откатов. В результате и церковь, и общество на сегодняшний день пришли скорее к крайнему, можно сказать, доселе не бывалому, усилению обеих негативных тенденций — и жесткого церковного авторитаризма, и индивидуалистического либерализма. При этом обе тенденции находятся ныне в таком соотношении, что неизбежно провоцируют непрерывное возрастание друг друга. В этих условиях некий «третий путь», путь обретения церковной соборности и общественной солидарности представляется едва ли не утопией, бесплодным и даже опасным мечтанием.

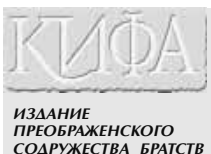
Что можно сделать в этих условиях? Как идеал церковной соборности и обществен-

ной солидарности может быть возрожден, заново продуман и воплощен в наше время? Какие здесь могут быть предприняты усилия — как «снизу», так и «сверху»? Что необходимо сделать в первую очередь и что — во вторую? Как сохранить преемственность с лучшими церковными и общественными движениями прошлого и в то же время — адекватность задачам нашего времени, избегая разного рода идеологизации и стилизации? Какова роль в этом церкви и роль общества, возможно ли их сотрудничество, взаимное положительное влияние и взаимная ответственность — без притязания, но и без насилия и смешения? Где находится общее поле их взаимодействия, а где, напротив, те границы внутренней жизни того и другого, которые нельзя переходить?

Можно ли вернуть понятию церковной соборности утраченную конкретность? Как соборность может воплощаться сегодня в нашей церкви? На уровне поместной церкви, епархии, прихода, общины, братства, церковной семьи? Внутри этих церковных реалий и между ними? Может ли соборность выражать себя в межконфессиональном и межрелигиозном общении (скажем, внутри авраамитской традиции)? Где сегодня место общественной солидарности? На каких духовных, культурных, социальных, экономических основаниях она может создаваться? Какими могут быть ее адекватные формы?

Помимо подготовленных докладов конференция предполагает обсуждение всех заявленных вопросов в форме диалога и свободной дискуссии. Мы рассчитываем на Ваше заинтересованное участие.

Председатель оргкомитета Дмитрий Сергеевич Гасак, проректор СФИ
Оргкомитет: Россия, Москва, 105062, ул. Покровка, 29—38 Тел/факс 624-92-50

Учредитель: Региональная общественная организация «Культурно-просветительский центр «Преображение»

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д. 29, стр. 1

Тел./факс: (495) 624-92-50

© РОО «Преображение». Все права защищены

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Главный редактор: А.В. Колымагина
Зам. гл. редактора: А.А. Буров

Электронный адрес редакции: kifa@list.ru

Электронная версия газеты: http://gazeta.kifa.ru

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Елена Шевелева, Владимир Лидский

Иллюстратор: Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш, Анна Лепехина

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации по графику № 77-24541 от 2 июня 2006 г.

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Тацкая, д. 5
Тираж 1300. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 18 июля 2007 г.
Время подписания в печать: по графику — 9.00, фактическое — 9.00
Дата выхода в свет 20 июля 2007 г.

Нашу газету можно приобрести в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СВЧ — ул. Покровка, д. 29, оф. 38); в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).

Подписной индекс в агентстве Роспечать — 19601

Телефоны распространителей
Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 8-916-114-6737 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова); Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная); Архангельск: 8-921-299-4978 (Андрей Подоров);

Воронеж: 8-950-763-50-35 (Александр Терехов); Северодвинск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова); Тверь: 8-(4822)-50-2308 (Олег Ермолаев); Тула: 8-(4872)-37-5782 (Марина Писаревская); Электросталь: 8-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)